

Т. И. ДУБИНСКАЯ-ДЖАЛИЛОВА

Великий гуманист (По материалам переписки М. Горького и И. В. Сталина)*

Предательская рука Горького легла на плечи русской литературы.

А. Л. Бел

Максим Горький — одна из стержневых фигур процесса трансформации дореволюционной русской культуры (и литературы как составной части этой культуры) в культуру советскую. Свою задачу мы видим в том, чтобы проследить — используя как уже известные, так и абсолютно новые факты — роль Горького в процессе этой трансформации, а главное — во что исполнение принятых на себя функций превратило самого Горького. При этом нам не столь интересно участие Горького в политических коллизиях послеоктябрьского периода — выбор подобного угла зрения приводит к пониманию Горького как политика, занимавшегося вопросами культуры в силу политической необходимости. Мы же за исходное берем то, что у истоков процесса находился один из крупнейших деятелей русской литературы, *писатель* с мировым именем, становление которого произошло на закате XIX в. (рассказ «Челкаш», с которым Горький вошел в большую литературу, напечатан в 1895 г., в июньской книжке журнала «Русское богатство»; первый сборник, принесший ему широкую известность, — «Очерки и рассказы», в двух томах, издан в 1898 г.). В период формирования базисных принципов советской литературы (которая, безусловно, существовала) Горький наряду со Сталиным выступал в качестве движущей силы процесса, что, на наш взгляд, в колоссальной мере повлияло на него. Заискивание перед властью связало Горького, пре-

* Публикацию переписки М. Горького и И. В. Сталина см.: «Жму Вашу руку, дорогой товарищ»: Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина / Публ., подг. текста и коммент. Т. Дубинской-Джалиловой, А. Чернева // Новый мир. 1997. № 9. С. 165–192; 1998. № 9. С. 156–178 (ниже ссылки на эту публикацию даны в тексте с указанием года, номера и страницы). Печатается по: *Дубинская-Джалилова Т.* Переписка М. Горького И. В. Сталина 1929–1931 // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 223–251.

вратило из писателя в государственного деятеля от литературы, сходного с функционером высшего ранга аппарата ЦК ВКП(б), у которого преобладающими являются принципы политической целесообразности. Однако парадокс заключается в том, что в творческом плане Горький не стал неотъемлемой частью сконструированной им самой советской литературы — он, на наш взгляд, так и не превратился в советского писателя (творческое наследие Горького в советский период еще только ждет литературоведческого анализа).

Рассмотрим ряд главных, основополагающих тезисов, обсуждающихся в горьковедении.

Горький не знал...

Не цитата, но распространенная теза: Горький не знал истинный характер созданной Сталиным системы, не догадывался о размахе большевистского произвола.

Горьковские документы, рассекреченные в последние годы, особенно полная переписка его со Сталиным, позволяют с достаточной долей уверенности говорить о том, что ему не приходилось теряться в догадках — с 1929 г. он был в курсе сталинской политики. Хуже обстояли дела в период с 1922 г. по лето 1929 г.: 16 октября 1921 г. Горький уехал в Германию, с апреля 1924 г. жил в Сорренто — Бенито Муссолини, глава фашистского правительства Италии, не разрешил ему вернуться на Капри и предложил поселиться в окрестностях Неаполя. Русские революции 1917 г. произошли у Горького на глазах, он воочию увидел последствия октябрьской социальной катастрофы, ужаснулся, страдал, протестовал. На его гневные выступления в созданной им газете «Новая жизнь» (Пг., апрель 1917 — июль 1918)¹ большевики ответили критикой — одним из первых резко (причем анонимно) высказался Сталин в статье «Окружили мя тельцы мнози тучны». Он причислил писателя к «перепуганным невращеникам» из «Новой жизни», которые «дезертировали из рядов революции» и к таким революционерам, которые «тем только и замечательны», что они «старые»: «Мы боимся, что Горького «смертельно» протянуло к ним, в архив. Что же, вольному воля <...>. Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов...»². «Новую жизнь» большевики запретили. Горький направил все свои усилия на спасение русской культуры и науки. Об этой его

¹ Новожиженская» публицистика составила две книги Горького: «Революция и культура. Статьи 1917 г.» (Берлин, 1918) и «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре» (Пг., 1918).

² Сталин И. Соч. Т. 3. М., 1946. С. 386 (впервые: Рабочий путь. 1917. 20 октября).

активной деятельности — издательской, просветительской, общественной, — поддержанной вначале большевистским руководством, неизменно с признательностью писали советские авторы. В зарубежной печати высказывались различные мнения. Английский философ Бертран Рассел, посетивший Россию летом 1920 г., вскоре издал в Лондоне книгу «Практика и теория большевизма», одну из глав которой назвал «Ленин, Троцкий и Горький». Первых двух Рассел воспринял как «несгибаемых ортодоксов» большевизма, о Горьком писал: «Совершенной противоположностью обоим этим людям был Горький, с которым я имел краткую беседу в Петрограде. <...> Он поддерживает правительство — будь я русским, я делал бы то же самое — не потому, что считает его безгрешным, но потому, что возможные альтернативы еще хуже. Мне он показался более других достойным уважения и, на мой взгляд, наиболее симпатичным из всех русских, которых я видел <...>. Горький сделал все, что в состоянии сделать один человек, для сохранения интеллектуальной и художественной жизни России»³. Д. С. Мережковский, эмигрировавший в конце декабря 1919 г., писал год спустя в Париже: «Какою ценою «спасает» Горький? Ценою *оподления* — и не грубого, внешнего, а внутреннего, тонкого, почти неисследимого. <...> Горький — «благодетель» наш. Но не я один, а все русские писатели, художники, ученые, когда снимут веревку с их шеи, скажут вместе со мною: будь они прокляты, благодетения Горького! <...> Горький не лучше, а хуже всех большевиков, хуже Ленина и Троцкого. Те убивают тела, а этот убивает и расстреливает души»⁴.

Для нашей темы бóльшее значение имеет другое обстоятельство — у Горького отношения с большевиками — почти всегда сложные, путанные разладились настолько, что на исходе 1921 г. ленинское правительство выставило его из страны. Много лет спустя писатель рассказал: Ленин его предупредил — «Если не поедете — вышлем»⁵. Представив случившееся как заботу о здоровье Горького, большевики — да и сам он — сделали хорошую мину при плохой игре.

Одной из своих корреспондентов (Ф. Лебединской) писатель сообщил в марте 1935 г., что «не помнит точной даты» начала «участия в деятельности РСДРП»⁶. Документами пока не подтверждено время вступления

³ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 25.

⁴ Цит. по: Ваксберг А. Гибель Буревестника. М. Горький: последние двадцать лет. М., 1999. С. 53.

⁵ Архив А. М. Горького. Т. XII. М., 1969. С. 204.

⁶ Архив А. М. Горького при Институте мировой литературы им. А. М. Горького (далее — Архив А. М. Горького). Пг-рл 23–14–1, 2, 3.

Горького в РСДРП, был ли он исключен — и когда, и за что — из партии большевиков⁷. Четко Горьким сказано в письме Сталину от 8 января 1930 г.: «Человек я, как Вы знаете, беспартийный, значит: все, что по моему адресу, — партию и руководящих членов ее не задевает»⁸. (Реально именно теперь он превратился в большевистского деятеля — недаром Сталин на копии анонимного пасквиля «Барон из Сорренто», где в духе басен И. Крылова высмеивалось поведение Горького, написал по всему тексту: «Подлец! Ст[алин]»⁹)

В конце 1920-х годов Горький был поставлен перед необходимостью сделать выбор: либо со всей очевидностью продемонстрировать свою лояльность советской власти, либо перейти в оппозицию к ней. Возможность третьего пути — отказ от активного сотрудничества как с эмиграцией, так и с большевиками — к этому времени была исчерпана. Во-первых, в связи с целым рядом обстоятельств, перечисление которых уведет нас в сторону, в это время закончился «бархатный период» сосуществования советской власти и остального мира. Ситуация начала 1925 г., когда у Горького в Сорренто за одним столом могли встретиться ненавидящий большевиков Вл. Ходасевич и председатель Совнаркома СССР А. И. Рыков¹⁰, в 1929 г. стала невозможна. «Железный занавес» опустился; на этом фоне налаживание дипломатических связей свидетельствовало не о потеплении межгосударственных отношений, а скорее о признании установившегося в мире статус-кво. Во-вторых, к весне 1929 г. в СССР были заложены основы «сталинской модели социализма». Для осуществления дальнейших планов, речь о которых пойдет ниже, главе государства понадобился Горький. И Сталин делает ряд недвусмысленных шагов (об этом тоже — дальше), которые можно истолковать лишь как проявление его желания видеть писателя в числе своих сподвижников. Известно, что дилемма — политическая эмиграция или сотрудничество — была решена Горьким в пользу сотрудничества. Выбор был сделан по идейным соображениям. Горький с начала века привык играть видную роль в культурной, общественной, политической жизни. Положение «только» писателя ему всегда представлялось недостаточным. В тот исторический момент только в Советском Союзе он мог (по объективным и субъективным причинам) занять «подобающее» место. Планы Горького и Сталина совпали.

⁷ Изложение различных версий см.: *Спиридонова Л.* Был ли Горький членом партии? // *Известия ЦК КПСС.* 1990. № 5. С. 133–137.

⁸ *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 5. С. 215.

⁹ *Источник.* 1994. № 6. С. 93.

¹⁰ См. об этом: *Берберова Н.* *Курсив мой.* М., 1996. С. 216.

Пойдя на активное сотрудничество со Сталиным, Горький, по сути дела, уже тогда вернулся в СССР. Его окончательный переезд в мае 1933 г. — чисто формальный акт: он сменил место жительства — и только.

Со второй половины 1929 г. эпизодический обмен посланиями между Горьким и Сталиным сменила переписка. Основной темой их переписки на первом этапе стало «вредительство». Корреспонденты возвращались к этому вопросу снова и снова. В горьковских письмах рефреном звучат темы: «<...> совершенно потрясен новыми, так ловко организованными актами вредительства и ролью правых тенденций в этих актах» (1997. № 9. С. 174) и вторая: «<...> обрадован работой Г.П.У., действительно неутомимого и зоркого стража рабочего класса и партии» (там же), а в сталинских: «Я собрал новый материал о вредителях и посылаю Вам <...>» (Там же. С. 173. Подчеркнуто Сталиным).

По заданию Сталина в Сорренто доставлялись секретные документы о «вредительских и шпионских организациях», якобы действовавших в СССР. Это не только брошюра «Материалы к отчету ЦКК ВКП(б) XVI съезду партии, в которой сообщались сведения о «вредительстве» в «верхних слоях инженерства», — о ней было известно. Из новых документов мы узнали, что Горькому были отправлены неопубликованные материалы «о контрреволюционной организации в области снабжения населения продуктами питания» (по этому делу — «Пищевого треста» 48 руководящих работников пищевой промышленности в сентябре 1930 г. были расстреляны без суда по приговору Коллегии ОГПУ). Мы узнали, что Горькому послали экземпляр брошюры «Материалы по делу контрреволюционной «Трудовой крестьянской партии» и группировки Суханова — Громана (из материалов следственного производства ОГПУ)», в которой были собраны протоколы допросов во время следствия в июле — августе 1930 г. «участников и руководителей контрреволюционных организаций». Эти «материалы» Сталин охарактеризовал как «документы первостепенной важности»¹¹. По его указанию брошюры напечатали типографским способом, затем — 10 августа 1930 г. — Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление разослать ее членам ЦК и ЦКК ВКП(б) и руководящим кадрам хозяйственников. (Процесс «Трудовой крестьянской партии» не состоялся. Суд над организацией «Союзное бюро РСДРП(м), к которой Сталин причислил В. Г. Громана и Н. Н. Суханова, проходил в Москве

¹¹ Письмо Сталина В. М. Молотову от 2 августа 1930 г. // Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг.: Сборник документов. М., 1995. С. 193.

1–9 марта 1931 г.) Горькому заранее, до публикации, переправили «Обвинительное заключение по делу «Союза инженерных организаций» («Промышленной партии»». 24 октября 1930 г. Сталин сообщил ему, что посылает материалы: «Скоро получите» (1997. № 9. С. 173). Напечатано «Обвинительное заключение» 11 ноября, суд состоялся 25 ноября — 7 декабря 1930 г.

На процессе «Промпартии» произошел «казус». В «Обвинительном заключении», обнародованном, как уже сказано, за две недели до начала суда, *совершенно определенно* говорилось, что подследственные осуществляли связь с Торгпромом, созданном в Париже в 1920 г. для защиты интересов русских собственников-эмигрантов, через Павла Павловича Рябушинского, в дореволюционной России крупного хлопчатобумажного фабриканта, председателя Московского банка Рябушинских. В частности, профессор Л. К. Рамзин, объявленный руководителем «Промпартии», во время следствия признал: «В октябре 1928 г. два члена ЦК «Промпартии» Рамзин и Ларичев вошли в связь с П. П. Рябушинским и устроили совместное совещание с руководящим центром Торгпрома. На этом совещании, имевшем место в Париже, участвовали: П. П. Рябушинский <...> Ларичев и я — Рамзин»¹². О «грубой невежественной ошибке» зашумела эмигрантская пресса: «В «Обвинительном заключении», — писала газета «Возрождение», — речь идет о свиданиях в 1927, 1928 и 1929 годах обвиняемых с П. П. Рябушинским, скончавшимся в 1924 году»¹³. Во время суда «ошибка» была исправлена: в первые дни подсудимые говорили о «Рябушинских», затем стали «вспоминать», что встречались в Париже с младшим братом П. П. Рябушинского — Владимиром Павловичем Рябушинским. Тот же Рамзин в показании на суде сказал: «В имени Рябушинского, с которым я беседовал, у меня полной уверенности не имеется — Петр (имя старшего из братьев — Павел. — Т. Д.-Д.) или Владимир <...> это был Владимир. Потому что текстильщики, которые в курсе генеалогии промышленных кругов, считают, что, вернее всего, Владимир»¹⁴.

Писатель откликнулся на эти события в одном из писем Сталину фразой: «Замечательно, даже гениально поставлен процесс вредителей» (1997. № 9. С. 179), а в другом: «<...> Верховный Суд вел дело блестяще, насколько я могу судить» (Там же. С. 181). Далее Горький в письмах Сталину не касался «вредительства», хотя глава государства продолжал слать ему документы.

¹² Правда. 1930. И ноября.

¹³ Возрождение. 1930. 21 ноября.

¹⁴ Правда. 1930. 4 декабря.

Современники не раз рассказывали о поразительном умении Горького «делать глухое ухо»¹⁵, молчать, когда он не хотел высказать свое мнение. На эту его «черточку» обратил внимание и Н. В. Валентинов в воспоминаниях «Встречи с Максимом Горьким»: «<...> я узнал, что брат Свердлова сделался Пешковым, потому что был усыновлен Горьким <...> я попросил Горького <...> рассказать об усыновлении им Свердлова. <...> М. Горький, выслушав меня очень внимательно, посмотрел на меня и стал смотреть куда-то вбок. Думая, что он не слышал и не понял, я снова предложил вопрос. Максим Горький ответил: «Я слышу» и погрузился в непроницаемое молчание, на которое пришлось наткнуться уже несколько раз до этого»¹⁶.

О лживости советской прессы, прежде всего печатного органа ЦК ВКП(б) «Правды», Горький знал. Это и раньше было понятно. Теперь это подтвердили документы. Для примера мы выбрали следующий эпизод.

В ноябре 1932 г. писатель получил от Е. Г. Халатовой, сотрудницы Наркомпроса РСФСР (он представил ее Сталину: «<...> она очень давно работает с ребятами, и ее наблюдениям можно верить». — 1998. № 9. С. 173), записку «о росте беспризорности трудных ребят». Халатова предлагала «срочно создать коммуну <...> для детей-правонарушителей»¹⁷. Горький писал Сталину: «Я посылаю эту записку Вам, будучи уверен, что только Вы можете толкнуть это дело и поставить его сразу на правильные рельсы. Дело серьезное и — конфузное» (1998. № 9. С. 173–174). Буквально через месяц, 28–30 декабря 1932 г., по указанию правительства РСФСР состоялся пленум Комиссии по улучшению жизни детей (Деткомиссии) при ВЦИК, обсудивший вопрос «О борьбе с детской беспризорностью» в связи с «тяжелым положением», создавшимся «на этом участке»¹⁸. 29 января 1933 г. СНК РСФСР принял постановление «О мерах борьбы с детской безнадзорностью и ликвидации уличной беспризорности детей». Одно из решений постановления гласило: «<...> организовать в Горьковском, Северо-Кавказском и Западно-Сибирском краях специальные детские учреждения»¹⁹.

¹⁵ Это выражение М. И. Будберг, гражданской жены Горького с 1919 г., привела в своих мемуарах Н. Берберова, подчеркивая «удивительную способность» писателя «не слушать того, что ему не нравилось, не отвечать, когда ему задавали вопрос, на который у него не было ответа» (Берберова Н. Указ. соч. С. 216).

¹⁶ Валентинов Н. Наследники Ленина. М., 1991. С. 177–178.

¹⁷ Архив А. М. Горького. КГ-рзн 11–24–1.

¹⁸ См.: Сборник по вопросам охраны детства Комиссии по улучшению жизни детей (Деткомиссии) при ВЦИК. М., 1933. № 1–2. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 39.

Таким образом, советский госаппарат, во-первых, признал наличие в СССР «тяжелого положения» с детской беспризорностью и, во-вторых, — в его недрах были предприняты сообразные действия. Однако «Правда» реагировала по-своему, скажем, — «по-правдински». В те самые дни, когда работал пленум Деткомиссии, 29 декабря 1932 г., газета разразилась статьей Д. Заславского «Детоубийство в САСШ» о «массовой детской беспризорности в Америке», а также о том, что «советская страна победила беспризорность, потому что это — страна социалистического труда».

Л. Л. Авербах писал Горькому в ноябре 1932 г.: «Пленум оргкомитета»²⁰(выд. Авербахом. — *Т. Д. Д.*). Вы, вероятно, за газетной информацией следили. Она дает, однако, весьма приблизительное представление о действительно происходящем²¹. К примеру, я посылаю Вам стенограмму моей речи — сравните с тем, что о ней писалось!» (1998. № 9. С. 174).

Письмо Авербаха не было исключением. Из писем самых разных людей Горький узнавал о том, что «действительно происходившее» отражается в советской печати как в кривом зеркале. Горькому писали многие — эпистолярное его наследие огромное. Письма оказались тем источником — не единственным, но постоянным, с большим охватом, — из которого Горький получал массу информации о положении дел в стране.

В. А. Сутырин рассказал Горькому в письме от 24 марта 1934 г.: «<...> — очень хорошо прорецензировали погодинскую стряпню мои Туломские урки. Они лаконично и единодушно заявили: писал фраер, который легкомысленно поверил тому, что ему наврали про лагерь сами же урки для издевки и бахвальства»²². Сутырин имел в виду сценарий фильма Н. Ф. Погодина «Заклученные»²³, в котором автор

²⁰ Речь идет о первом расширенном пленуме Оргкомитета Союза советских писателей; состоялся в Москве 29 октября — 3 декабря 1932 г.

²¹ Л. Л. Авербах, недавний ответственный секретарь РАПП, написал Горькому по завершении пленума — первого после апрельского (1932) постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (показавшего, что власть больше не нуждается в РАПП), где советские писатели продемонстрировали, как легко «меняют кожу». Горький в день открытия пленума выехал в Италию, естественно, что в начале сведения о нем брал из газет. Вскоре их дополнили письма бывших рапповцев, теперь многие из них напечатаны, но неполно (см., напр.: *Примочкина Н.* Писатель и власть. 2-е изд. М., 1998. С. 134–136).

²² Архив А. М. Горького. КГ-ди 10–7–3.

²³ Н. Ф. Погодин позже переделал сценарий в пьесу «Аристократы». Она получила хвалебные отзывы; так, А. Гурвич в статье «Второе рождение (О пьесе Погодина «Аристократы)» писал, что «главное достоинство» этой «талантливой радостной пьесы об освобождении человека» состоит в том, что она отражает «подлинные явления нашей <...> изобретательной действительности» (*Гурвич А.* Три драматурга. М., 1936. С. 62).

изложил легенду о том, как «лагерники-изуверы» превратились на строительстве Беломорско-Балтийского канала в передовиков производства, благодаря труду и «простому человеческому отношению к ним организаторов работы — представителей ОГПУ». Сам Сутырин работал начальником Туломской ГЭС на строительстве Беломорско-Балтийского канала, куда был направлен после ликвидации рапповских организаций (в 1928–1932 гг. он возглавлял Всесоюзное объединение ассоциации пролетарских писателей). Сутырин писал Горькому длинные письма, в одном из них сообщил, что «очень доволен своей новой работой», «ничего лучшего» не желает²⁴ и обещал рассказывать «о лагерных буднях и о мыслях по поводу них новоиспеченного чекиста (произношу это слово с мальчишеской гордостью)» (1998. № 9. С. 158). Из неопубликованных писем Сутырина, которые хранятся в Архиве А. М. Горького, ясно, что он навещал Горького в Москве летом 1934 г. — это то самое время, когда Горький с большой группой писателей создавали сборник о Беломорско-Балтийском канале; по содержанию и идее он оказался идентичным «погодинской стряпне».

Известно, что советское правительство официально отрицало существование на Украине массового голода, наступившего после проведенной коллективизации. В прессе слово «голод» было заменено эвфемизмом «критическая продовольственная ситуация». Во время этой «ситуации» Горький получил письмо от Ивана Ивановича Иванова. На нескольких больших конторских листах, исписанных с двух сторон простым карандашом, человек рассказывал о «страшном голоде» в украинской деревне и просил писателя: «<...> спасите Украину, умирает от голода: мрут люди всех возрастов. Думает ли обо всем т. Сталин?»²⁵ Горький обратился к В. Я. Чубарю, члену Политбюро ЦК КП(б) Украины, председателю Совнаркома республики, с которым был знаком — он гостил в Сорренто то ли на исходе 1931 г., то ли в январе 1932-го. Чубарь ответил Горькому телеграммой: «Проверка не подтвердила факта голодания. Семья регулярно снабжается. Жалоб, претензий никому не заявлено. Чубарь»²⁶.

В марте 1935 г. Горькому написал Е. В. Давыдов, пушкинист, председатель Ленинградского Пушкинского общества. В начале письма он рассказал о «максимальных усилиях» Общества для проведения столетия со дня гибели поэта, а затем продолжал: «В этот ответственный по культурным задачам момент <...> я был подвергнут аресту и допросу органами НКВД по Упр[авлению] Государственной]

²⁴ См.: Архив А. М. Горького. КГ-ди 10–7–3.

²⁵ Там же. КГ-рл 11–77–1.

²⁶ Там же. КГ-од 2–18–1.

Безопасности для выяснения моего социального происхождения, в порядке массовых арестов и допросов граждан, связанных с дореволюционным прошлым. Так как мой отец, умерший в 1905 году, за долгую педагогическую деятельность в б[ывшем] Морском кад[етском] корпусе дослужился до чинов, дающих дворянство, то я по этому социальному признаку подлежу высылке из Ленинграда, производящейся в самом срочном порядке, вместе со всей семьей. <...> Прошу Вас, глубокоуважаемый Алексей Максимович, если Вы признаете нужным, как Председатель Пушкинского Комитета²⁷, оставление в Ленинграде активного работника по подготовительной деятельности к 100-летию Пушкинскому юбилею <...> не отказать в ходатайстве пред Наркомом Внудел, или кем Вы найдете соответствующим, об отмене распоряжения Ленингр[адского] Упр[авления] Государственной] Безопасности о высылке моей и моей семьи в отдаленные местности и, прежде всего, о приостановке действия этого распоряжения срочной телеграммой.

11 марта 1935.

Евгений Васильевич Давыдов

Ленинград 22, Кировский просп., 27, кв. 21, тел. В-286–50»²⁸.

Горький не ответил.

Авторы подобных писем не знали, что писатель, избранный ими в покровители, думает о них в общем то же самое, что и входящие в правительство большевики. В письмах к властителям Горький был откровенен, в выражениях не стеснялся: «Чистка центров от человеческого мусора — дело необходимое, но засорение мусором провинции едва ли полезно, ибо провинция своим хламом достаточно богата»²⁹. Эти строки — из письма, написанного Горьким 13 апреля 1935 г. (то есть через месяц после письма Давыдова) П. П. Постышеву, кандидату в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарю ЦК КП(б) Украины. Писатель хлопотал о ярославском журналисте, которого исключили из комсомола, уволили с работы в местной газете, потому что его отец «средняк» был раскулачен, выслан из деревни. В письме обращает также внимание другая «деталь» — прежде чем написать Постышеву, Горький заручился поддержкой Сталина и сообщил своему адресату: «Я показал письмо парня Иосифу Виссарионовичу, который в этот день был у меня, и И. В. написал на письме: «Принять в комсомол,

²⁷ О том, что Горький назначен председателем Всесоюзного Пушкинского комитета, было объявлено 17 декабря 1935 г.: в этот день пресса опубликовала постановление ЦИК СССР «Об учреждении Всесоюзного Пушкинского Комитета в связи со столетием со дня смерти А. С. Пушкина». Однако Политбюро ЦК

²⁸ Архив А. М. Горького. КГ-лип 1–40–1.

²⁹ Там же. ПГ-рл 31–27–6.

дать работу в местной прессе» <...>. Может быть, Вы найдете нужным помочь ему»³⁰.

Горький знал не только о том, что происходит в стране. Он знал, как лучше действовать в зависимости от ситуации, как распорядиться «ненужной» информацией, которой его снабжали доверчивые читатели. Вплоть до того, что разрешил себе переступить черту, переправив Сталину письмо Иринина. Фактически Горький донес на инакомыслящего. Иринин сообщил ему: «Иринин — мое политическое имя»³¹ — и указал парижский адрес. Горький написал Сталину: «Я не знаю — кто он, но слышал, что служит в одном из наших берлинских учреждений» (1998. № 9. С. 157). Иринин делился с писателем мыслями о «необходимости двухпартийного построения авангарда пролетариата. Конкретно говоря: *целесообразно создание в СССР параллельно ВКП(б) Всесоюзной Рабоче-крестьянской партии (большевиков) с теоретическим фундаментом Маркс-Ленин, с программой от ВКП(б) при незначительном ее изменении*». Подчеркнул в письме Сталин, он же рядом на полях поставил знаки «?» и «!» (Там же. С. 159). На фоне борьбы лидера страны — партии — с оппозицией, в которую Горький был посвящен, что нашло отражение и в его переписке со Сталиным, ему несложно было сообразить, чем грозит Иринину предложение о «двухпартийном построении авангарда пролетариата».

Факты, ставшие известными из переписки Горького и Сталина, из других рассекреченных документов, а также — давно знакомые, много раз привлекавшиеся исследователями (например, история сожженных сталинских писем, заметок писателя о поездке на Соловки), свидетельствуют о том, что пришло время говорить: Горький все знал...

Горький помогал...

В горьковедении существует устойчивое мнение, что Горький стал основным заступником деятелей русской культуры перед сталинской властью, что он всегда и всем помогал, спасал людей от большевистского произвола.

Во многом устойчивость этого мнения объясняется тем, что с его помощью удобно «обелять» Горького, дескать, может быть, им и совершались неблагоприятные поступки, но писатель принес себя в жертву ради спасения русской культуры.

Однако было ли заступничество Горького столь прямолинейным? Или в нем прослеживается некая система?

³⁰ Там же.

³¹ Настоящую фамилию Иринина установить не удалось.

Горького заваливали просьбами: «Условиями, в создании которых я не считаю себя виновным, — писал он в «Литературных забавах», — на меня возложена роль мешка, в который суют и сыпают свои устные и письменные жалобы <...>»³². Если подразделить сохранившиеся в архиве письма Горькому на письма с просьбами и иные, то первых окажется больше. В качестве просителей выступали самые разные люди. Например, М. П. Томский, кандидат в члены ЦК ВКП(б), заведующий ОГИЗ РСФСР, обратился к писателю после безрезультатных переговоров с А. А. Ждановым, Л. М. Кагановичем, В. М. Молотовым о создании типографии для издательства, а по существу, — всего «издательского дела в СССР»: «Я очень просил бы Вас, чтобы Вы, со своей стороны, насколько это возможно, при удобном случае и в любой удобной для Вас форме поддержали мои усилия в этом направлении <...>»³³. Чаще других поддержку Горького искали люди, попавшие в беду или в совсем безвыходное положение. Л. Б. Каменев написал ему на следующий день после того, как был приговорен к пяти годам тюрьмы по делу «Московского центра» (причем впервые в череде процессов «вредителей» — с конфискацией личного имущества). В заключение своего письма³⁴, горестного, покаянного, Каменев просил «подкрепить» жену, Т. И. Глебову-Каменеву³⁵, к которой Горький хорошо относился еще с соррентийской поры: в 1927 — начале 1928 г. Каменев был полпредом СССР в Италии и супруги навещали писателя.

В советской системе Горький занимал видное место и благодаря этому имел возможность оказывать помощь. Он и оказывал помощь, что выгодно отличало его от советских чиновников такого же уровня, которые этого не делали. В начале 1930-х гг. Горький руководил многими изданиями и многими проектами, что позволяло ему «придумывать» заработки для самых разных людей: кого-то устроить на работу (что он и сделал, например, в случае с опальным В. Я. Зазубриным), кому-то

³² Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. М., 1953. С. 249.

³³ Письмо М. П. Томского Горькому от 27 октября 1934 г. // Архив А. М. Горького КГ-п 78–7–11. Горький дважды писал Сталину по этому поводу: 7 ноября 1934 г. и в марте (между 24 и 27) 1935 г. 7 июля 1935 г. Совнарком РСФСР принял решение о строительстве типографии для Гослитиздата (см.: Архив А. М. Горького. Т. X. Кн. 1. М., 1964. С. 312).

³⁴ См.: Письмо Л. Б. Каменева Горькому от 17 января 1935 г. // Архив А. М. Горького. КГ-од 1–52–36. Переписка Горького и Каменева, хранящаяся в Архиве А. М. Горького, свидетельствует о теплых личных отношениях (частично опубликована в сб.: М. Горький. Неизданная переписка. Вып. 5. М., 1998. С. 238–256).

³⁵ Еще до ареста Каменева Горький привлек Т. Глебову-Каменеву к работе над серией книг «История женщины в XIX веке», но издание не осуществилось. Жена Каменева была арестована в ночь с 19 на 20 марта 1935 г.

дать аванс, послать в командировку (как, например, в случае с еще более опальным А. Платоновым). К тому же Горький был богат и помогал людям личными средствами, о чем вспоминали современники. Это подтвердили и документы, в частности письмо Горького А. К. Виноградову в период работы последнего над романом «Три цвета времени»: «Вот что, сударь мой, Анатолий Корнелиевич, Вы пишете: “денег нет”. Если это мешает Вам работать, а, конечно, мешает, — так Вы легко можете устранить помеху, звоните П. П. Крючкову³⁶, чтоб он прислал сколько нужно, деньги у него есть и, наверное, много, же не нуждаюсь в них. Всякие “стеснения” между нами были бы смешны в этом случае»³⁷. Горький был знаком, лично общался со многими деятелями советского государства — Сталин почти всегда приезжал к нему в гости с Ворошиловым, Молотовым — и мог напрямую обращаться к ним с просьбами. Наконец, Горький имел доступ к Сталину и часто действовал через него.

Горьковские письма Сталину буквально пестрят просьбами: — «Как всегда — У меня к Вам просьба <...>» — писал он 2 декабря 1930 г. (1997. № 9. С. 177). В письме от 9 марта 1934 г. Сталин их пронумеровал, поставил на полях красным карандашом цифры от 1 до 9. Реакция его была неодинаковой. Сталин согласился с предложением издавать в СССР «международный биологический журнал на французском, английском, немецком и русском языках». Исполнил просьбу ввести в Главную редакцию издания «Две пятилетки» Н. И. Бухарина и «возложить техническую и материальную организацию этой работы на “Известия”»³⁸. Разрешил создать новый журнал «Колхозник»³⁹, построить еще один жилой дом для литераторов⁴⁰, помог конструк-

³⁶ П. П. Крючков — доверенное лицо, позже секретарь писателя, вел все его издательские и финансовые дела.

³⁷ Письмо Горького А. К. Виноградову от 19 декабря 1930 г. // Знамя. 1968 № 3. С. 195.

³⁸ 31 мая 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «Об издании “Люди Пятилетки, в 2-х тт.”». Впоследствии серия была названа «Две пятилетки», намечалось выпустить пять томов, но вышел только один: Творчество народов СССР. 1917–1937 / Под ред. А. М. Горького, Л. З. Мехлиса, А. И. Стецкого. М., 1937.

³⁹ «Колхозник» — литературно-политический и научно-популярный ежемесячный журнал, существовал с октября 1934 до июня 1939 г. Инициатором создания журнала был Горький, выходил при его «непосредственном участии» (до февраля 1938 г. — ответственный редактор С. Б. Урицкий).

⁴⁰ Во втором квартале 1934 г. кооперативное товарищество «Советский писатель» начало строительство в Москве по Лаврушинскому переулку дом на двести квартир (см.: «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925–1938: Документы. М., 1997. С. 176–177, 228–229).

тору сварочных машин П. Н. Львову⁴¹, но не откликнулся на просьбу Горького помочь физику К. А. Путилову. Сталин не ответил на предложение «выпустить <...> книгу на тему “Проблема Тихого океана”», хотя обратил внимание на авторов, названных Горьким, — востоковедов О. Танина и Е. Иогана, и вскоре в «Правде» появилась их статья «Под силу ли японским финансам “большая война”»⁴². Сталин промолчал⁴³ относительно романа М. Слонимского «Крепость», несмотря на то что Горький просил решить, возможна ли его публикация. Сам Горький положительно отозвался об этой «вещи про оппозицию» в письме Слонимскому⁴⁴, но до того, как напечатать роман в альманахе «Год семнадцатый», его ответственный редактор советовался с вождем: «Я читал роман этот в гранках, ибо его запретили печатать, но есть люди, которые настаивают: печатать — надобно. Мне думается, что такой роман можно опубликовать лишь после того, как ЦК оценит политическое значение романа, а также своевременность и уместность его публикации» (с. 257). Роман был признан несвоевременным, некоторые его мотивы автор использовал в романе «Ровесники века»⁴⁵.

Если присмотреться к цепочке: письмо Горькому — действие Горького (письмо Сталину) — результат, то увидим, что нередко писатель шел окольными путями, выбирал благоприятный момент, когда возникала возможность убедить Сталина, что «подзащитный» не представляет серьезной опасности его литературной политике.

Летом 1929 г. в Москве были запрещены все спектакли по пьесам М. А. Булгакова. 29 октября 1931 г. в газете «Возрождение» появилась рецензия Вл. Ходасевича «Смысл и судьба “Белой гвардии”»⁴⁶.

⁴¹ П. Н. Львов писал Горькому 15 февраля 1936 г.: «В 1934 г., благодаря Вашей помощи, моя лаборатория получила право на существование <...>» (Архив А. М. Горького. КГ-уч 7-75-1).

⁴² См.: Правда. 1934. 7 и 8 июня.

⁴³ Говоря: Сталин «промолчал», «не ответил» Горькому — мы имеем в виду их переписку. Однако благодаря ей стало известно, что они довольно часто виделись — Сталин посещал писателя в Москве, Горках; Горький и во время встреч обращался к Сталину с просьбами, о чем свидетельствует, например, его письмо Постышеву от 13 апреля 1935 г., о котором шла речь выше. Это письмо опровергает версию, будто Сталин перестал с 1935 г. навещать писателя вследствие его заступничества за Каменева. Документы пока не дают оснований говорить о том, было ли вообще заступничество или его не было.

⁴⁴ См.: Письмо Горького М. Л. Слонимскому от 6 марта 1934 г. // Архив А. М. Горького. ПГ-рл 39-14-13.

⁴⁵ См.: Звезда. 1959. № 6.

⁴⁶ «Белая гвардия» — первоначальное, булгаковское название пьесы «Дни Турбиных» показанной в Париже «Пражской группой» — осевшими в Праге актерами МХАТа. По мнению Ходасевича, драматург относится к белой гвардии «вполне

В письме Сталину от 21 ноября 1931 г. Горький обратил его внимание на эту публикацию. Он резко отозвался о Ходасевиче, которого «хорошо знал»⁴⁷: «<...> это — типичный декадент, человек физически и духовно дряхлый, но преисполненный мизантропией и злобой на всех людей <...> он «объективно» враждебен всему существующему в мире, от блохи до слона <...>» (1997. № 9. С. 188). Далее Горький писал: «Но всюду, где можно сказать неприятное людям, он умеет делать это умно. И — на мой взгляд — он прав, когда говорит, что именно советская критика сочинила из “Братьев Турбиных” антисоветскую пьесу. Булгаков мне “не брат и не сват”, защищать его я не имею ни малейшей охоты. Но — он талантливый литератор, а таких у нас — не очень много» (Там же). Вскоре Сталин поинтересовался у руководства МХАТа, почему не видит на сцене «Дни Турбиных»⁴⁸. 18 февраля 1932 г. в театре состоялась премьера восстановленного спектакля. Сам Булгаков причину такой перемены не знал: «В половине января 1932 г., в силу причин, которые мне неизвестны и в рассмотрение коих я входить не могу, Правительство СССР отдало по МХТ замечательное распоряжение: пьесу “Дни Турбиных” возобновить. Для автора этой пьесы это значит, что ему — автору возвращена часть его жизни. Вот и все»⁴⁹. М. Чудакова считает возвращение на сцену этой пьесы «неожиданным и капризным»⁵⁰ и полагает, что «причины, по которым разрешение

отрицательно», теза его «совпадает с большевицкою». Он только отступил от «изобразительного канона» советской литературы, по которому белая гвардия должна быть представлена как «банда извергов и мерзавцев». Личный моральный уровень его белогвардейцев довольно высок, он проявил к ним «снисходительное, почти любовное отношение». Булгаковское «мягкое» изображение персонажей было воспринято советской критикой как сочувствие белому движению. Критики «набросились» на автора пьесы, не поняв ее «подлинного смысла», который, по Ходасевичу, заключается в том, что все события показаны «как последняя судорога тонущего, обреченного мира, не имеющего, во имя чего жить, и не верящего в свое спасение». Публика ответила на резкую критику драматурга «сочувствием пьесе». Как пишет Ходасевич, «успех пьесы, направленной против врагов советской власти, силою вещей превратился в демонстрацию против самой власти».

⁴⁷ Горький познакомился с В. Ф. Ходасевичем 3 октября 1918 г. Ходасевич сотрудничал в горьковской газете «Новая жизнь», заведовал в 1918–1920 гг. московским отделением издательства «Всемирная литература», одним из создателей которого был Горький. После отъезда из России летом 1922 г. жил в семье Горького (в Саарове, Мариенбаде, Сорренто). Совместно с Горьким Ходасевич редактировал журнал литературы и науки «Беседа» (Берлин, 1923–1925). Отношения прекратились в 1925 г. из-за разногласий, возникших по поводу издания «Беседы» в СССР.

⁴⁸ См.: Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 257.

⁴⁹ Письмо М. Булгакова П. С. Попову от 30 января 1932 г. // Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989. С. 218.

⁵⁰ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 364.

последовало» были «помещены» Булгаковым «в разряд явлений, искать объяснений которым бессмысленно»⁵¹. Но у Сталина не было таких решений, а была четко продуманная линия поведения, и «искать объяснения» вполне имеет смысл. Ходатайство Горького вписалось в сталинские планы⁵² и стало одной из причин (или единственной причиной, пока об этом рано говорить), склонившей его к поступку, о котором идет речь.

Для защиты В. Зазубрина Горький избрал другой путь.

В 1928 г. решением Сибирского крайкома партии (первый секретарь С. И. Сырцов) Зазубрин был отстранен от должности ответственного редактора журнала «Сибирские огни» и руководства Союзом сибирских писателей. Горький пригласил его в Москву, помог устроиться на работу в Госиздат, журнал «Колхозник», написал предисловие к четвертому изданию его романа «Два мира»⁵³. Однако перед Сталиным он ходатайствовал о Зазубрине только тогда, когда сибирские «гонители» последнего были повержены: «Теперь, когда Сырцов, Курс и КЮобнаружили истинную свою сущность, следовало бы восстановить в партии Зазубрина, ведь это они травили его, они же испортили хороший журнал «Сибирские огни», высадив из него талантливых людей. Зазубрин — очень талантливый человек. И — честный» (1997. № 9. С. 179). Письмо написано Горьким 2 декабря 1930 г. — к этому времени советская пресса в течение почти двух месяцев разоблачала «гнуснейшее поведение» председателя Совнаркома РСФСР Сырцова и его единомышленников, в числе которых был литературный критик А. Л. Курс, активный оппонент Зазубрина. За месяц до горьковского письма — 2 ноября — «Правда» сообщила, что Курс исключен из партии большевиков за «двурушническую антипартийную работу». 2 декабря 1930 г. «Правда» опубликовала постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) «о фракционной деятельности Сырцова, приведшей к возникновению в партии «“лево”-правого блока».

Горьковская уловка в этом случае не помогла. Сталин не вернул в партию Зазубрина, который не отказался от своих «вредных» взглядов. На встрече писателей с руководителями партии и правительства, проходившей в октябре 1932 г. в доме Горького, на которой присутствовал Сталин, Зазубрин высказался против цензуры, запрещающей

⁵¹ Там же. С. 361.

⁵² Сталин в «Ответе Билль-Белоцерковскому» писал, что пьеса «Дни Турбиных» «не так уж плоха», так как «есть демонстрация всеокрушающей силы большевизма. Конечно, автор ни в коей мере не повинен в этой демонстрации» (Сталин И. Соч. Т. 11. М., 1949. С. 328). Успех спектакля «Дни Турбиных» во МХАТе (Сталин смотрел его 15 раз) он полностью относил на счет актеров.

⁵³ См. в книге: *Зазубрин В. Два мира*. 5-е изд. Л., 1929.

«рисовать Сталина и других членов Политбюро» как «обычных людей»⁵⁴. Он привел в пример случай с рукописью «одного товарища», которую цензура не пропустила в печать за то, что в ней описаны сталинская «простота речи, поведения, рябины на лице, — словом, ничего величественного»⁵⁵. («Сталин сидел насупившись»⁵⁶, — вспоминал участник встречи К. Л. Зелинский.) А ведь бюро Сибирского крайкома ВКП(б), критикуя журнал «Сибирские огни» за «серьезные идеологические ошибки», указало Зазубрину на «неправильное, вредное по своим результатам отражение действительности»⁵⁷ в его статье «Заметки о ремесле». Посетив по гостевому билету одно из заседаний XV съезда партии, Зазубрин в главке «Настоящие люди» этой статьи делился впечатлениями: у Сталина «<...> спокойное, улыбающееся рябоватое серое лицо под низким лбом с негнушимся ершом черных волос», Г. И. Петровский «говорит “будуть” вместо “будут”», Н. И. Бухарин походит на «маленького рыженького попика», а о В. Р. Менжинском, которого издавна знал, он написал только то, что «<...> угрей стало больше на лице»⁵⁸.

Итак, можно сделать вывод, что Горький имел большие возможности для оказания помощи. Он мог выбирать, как ему лучше действовать. Однако надо обязательно учитывать, что Горький тщательно фильтровал просьбы, прежде чем принять их к исполнению.

Иногда дела о помощи Горький перепоручал лицам, по тем или иным причинам способным, по его мнению, более эффективно добиться результата. Чаще других это был Крючков, который секретарство у писателя совмещал с сотрудничеством в ОГПУ. «Дорогой Петр Петрович, — писал ему Горький, — нельзя ли сократить Иванову-Разумнику срок высылки из Ленинграда? И вернуть его. Он — в Саратове, срок высылки еще год и 8 месяцев. Болен, работы нет»⁵⁹.

Иногда Горький откладывал прошения о помощи в «долгий ящик», не реагировал, «делал глухое ухо», как в случае с Е. Давыдовым, о котором рассказано выше.

Иногда Горький отказывался помочь. Так, он не подписал прошение о зачислении в Военно-воздушную академию сына «вредителя», отбы-

⁵⁴ См.: *Зелинский К.* Вечер у Горького (26 октября 1932 года) // *Минувшее. Исторический альманах.* 10. М.; СПб., 1992. С. 97.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Резолюция бюро крайкома ВКП(б) о журнале «Сибирские огни» // *Сибирские огни.* 1928. Кн. 4. Июль-август. С. 225.

⁵⁸ *Сибирские огни.* 1928. Кн. 2. Март-апрель. С. 248, 247, 249, 250.

⁵⁹ Письмо Горького П. П. Крючкову от 23 октября 1934 г. // *Архив А. М. Горького.* ПГ-рл 2а-1-452.

вающего наказание за принадлежность к «партии Чаянова». Он написал Крючкову: «Быстров-сын <...> экзамены в Военно-воздушную академию сдал. Но в число студентов — не принят, основание: судимость отца. Передайте <...> что я отказываюсь подписать записку — основание: перелеты летчиков в стан врагов. Думаю, что это — правильно»⁶⁰.

В этих двух случаях прослеживается общее: причина горьковского решения — «политическая неблагонадежность» просивших.

Иногда Горький пользовался своим влиянием, чтобы решить собственные проблемы, попутно ломая чужие судьбы. В январе 1932 г. у него возник конфликт с заведующим издательства «Academia» И. И. Ионовым в связи с предполагающимся одновременным изданием серии романов «История молодого человека XIX столетия» в издательствах «Academia» и «Журнально-газетное объединение». Горький настаивал именно на двух изданиях, Ионов — категорически возражал⁶¹. Горький написал Ионову, что считает его «человеком ненормальным и неспособным вести работу “Академии”»⁶². И тут же отправил письмо Сталину: «<...> я очень прошу Вас обратить внимание на вреднейшую склочку, затеянную этим ненормальным человеком и способному совершенно разрушить издательство “Академия” <...> Мне кажется, что его следовало бы заменить в “Академии” другим человеком <...>» (1998. № 9. С. 156). Сталин ответил Горькому через пять дней — 28 января 1932 г.: «<...> получил Ваше последнее письмо насчет “Академии” и ИONOBA. Последнего придется снять с “Академии”» (Там же. С. 161). Впоследствии Ионов работал председателем акционерного общества «Международная книга».

За каждым подобным примером стоит множество тождественных. Нами отбирались наиболее характерные, в основном — ранее неиз-

⁶⁰ Письмо Горького П. П. Крючкову от 18 ноября 1934 г. // Там же. ПП-рл 21а-1-522.

⁶¹ 24 выпуска серии романов «История молодого человека XIX столетия» под редакцией М. Горького и А. Виноградова вышли только в «Жургазобъединении» в 1932 г.

⁶² Письмо Горького И. И. Ионову от 23 января 1932 г. // Архив А. М. Горького. Т. 10. Кн. 1. С. 82. Ионов писал Горькому 5 февраля 1932 г.: «Вы считаете меня ненормальным. Я знаю случаи, за время моего долголетнего сидения в царской каторге, когда совершенно здоровых товарищей упрятавали в сумасшедшие дома <...>. Со мной проделывали то же самое <...> я и там не изменился <...>. Но если надо, чтобы при Вашем содействии торжествовал здравый рассудок рвачей и халтурщиков, тогда я, конечно, предпочту оставаться с тем определением, которым Вы заканчиваете свое “дружеское” письмо к товарищу, которого Вы считали когда-то лучшим работником» (1998. № 9. С. 157–158). В исходе спора с Горьким Ионов не сомневался: «<...> я знаю, что после Вашего письма работа над книгой для меня закрыта <...>» (Письмо И. И. ИONOBA Горькому от 3 марта 1932 г. // Там же. С. 158).

вестные. Они позволяют утверждать, что Горький помогал не всем; он не всегда мог это сделать, даже при желании; заступничество его часто было в меру осторожным. Он имел некоторое влияние на лидера страны, но не выходил за пределы дозволенного. Горький понял «правила игры» в сталинской системе и — главное — принял их.

Горький принял...

Из переписки Горького и Сталина мы узнали, что в июне 1929 г. Сталин послал в Сорренто копии двух своих неопубликованных писем: «Ответ Билль-Белоцерковскому»⁶³ и «Ответ писателям-коммунистам из РАППа»⁶⁴. Ответ «напостовцам» Горький назвал «очень хорошим» и предложил Сталину «расширить» его для статьи в первый номер созданного им журнала «Литературная учеба»: «Тема статьи: взгляд партии на художественную литературу, на ее культурно-революционное значение»⁶⁵ (1997. № 9. С. 169).

Что за принципы были сформулированы в письмах, приведших в восторг писателя Максима Горького?

Во-первых, руководить литературой должны коммунисты. Ответ адресован писателям-коммунистам из РАПП, в нем прямо сказано: «Дело <...> в вопросе о руководстве сложнейшим фронтом советской художественной литературы. А руководить этим фронтом призваны вы, и только вы <...>». Во-вторых, теперь не нужна «“полемика” <...> которая напоминает в основном пустую перебранку», а нужен, как выразился Сталин, «единный и нераздельный (выд. Сталиным. — Т.Д.-Д.) литературный фронт» в интересах «выигрыша войны с “классовым врагом”». В-третьих, этот «фронт» должен быть организован на следующей основе: «Вернее всего оперировать в художественной литературе понятиями классового порядка, или даже понятиями “советское”, “антисоветское”, “революционное”, “антиреволюционное”».

Именно эти принципы в культурной политике и в литературе как части культуры и стал проводить Горький.

⁶³ Датировано: «2 февраля 1929 г.»; напечатано: *Сталин И.* Соч. Т. 11. С. 326–329. А. В. Луначарский просил Сталина разрешить напечатать письмо «Ответ Билль-Белоцерковскому»: «<...> оно, по существу, является единственным изложением Ваших мыслей по вопросу о нашей политике в искусстве» (цит. по: *Громов Е.* Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 113). Согласия он не получил. Точку зрения лидера страны, не называя его имени, выразил П. М. Керженцев, зам. зав. Отделом агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б), в статье «Об одной путанице» (*Правда.* 1929. 22 февраля).

⁶⁴ Датировано: «28.11.1929 г.»; впервые напечатано: *Знамя.* 1990. № 1. С. 198–200.

⁶⁵ Статью Сталин не написал.

Сталин сам избрал его на ключевую роль патриарха советской литературы. Он исподволь подводил писателя к этой роли. (По ходу дела проверял и убеждался в верности Горького.) Здесь много слагаемых.

Горький был «обласкан» главой государства. Устраивались помпезные поездки и встречи с трудящимися — авторитет Горького-писателя был высок, но столь пылкое проявление всенародной любви (вплоть до включения его в трудовые бригады) могло осуществляться лишь по воле власти. Проходили свидания Сталина с Горьким в неофициальной обстановке и беседы руководства страны с писателями в доме последнего. Критика в адрес Горького была прекращена еще в 1925 г. декабрьским постановлением ЦК ВКП(б) «О выступлении части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького», где она трактовалась как «грубое искривление литературно-политической линии партии», в корне расходящееся с «отношением партии и рабочего класса к великому революционному писателю тов. М. Горькому».

Горький с помощью Сталина вводил особый, не практиковавшийся доселе в России способ литературной полемики. Примечателен в этом смысле спор о чистоте русского литературного языка, затеянный Горьким и Ф. И. Панферовым. В разгаре спора Горький послал Сталину свою статью «О бойкости» (одну из дискуссионных). Сталин ответил: «Статью “О бойкости” следовало бы скорее сдать в печать⁶⁶. «Бойкие» <...> заслуживают трепки» (с. 255). Трепку задали вскоре. Но прежде Горький отправил Сталину новую статью — «О языке», в которую Сталин внес «незначительную правку»⁶⁷. Статья сопровождалась редакционным комментарием «Правды», где, в частности, было сказано: «Редакция целиком поддерживает А. М. Горького в его борьбе за качество литературной речи, за дальнейший подъем советской литературы». Работа Панферова (роман «Бруски») признана тут «торопливой, небрежной и неряшливой», его рассуждения о «новом языке» советских художественных произведений — «политически наивными»⁶⁸.

Для нас в этой ситуации имеют значение два факта. Арбитром в литературном споре выступает ЦК ВКП(б), конкретнее — чиновник

⁶⁶ Статья «О бойкости» опубликована в «Правде», «Известиях», «Литературной газете» 28 февраля 1934 г.

⁶⁷ В машинописном экземпляре статьи Горького «О языке» одно редакторское исправление Сталина: из фразы: «Такое отношение к литературе упрямо внушается молодым людям наставниками и «учителями жизни» типа Панферова и других молодцов его группы» — вычеркнуты пять последних слов.

⁶⁸ См.: Правда. 1934. 18 марта. (В тот же день статья была напечатана в «Известиях» и «Литературной газете».)

из ЦК партии. Важна и другая составляющая — Горький создает прецедент, когда внимание ЦК и Сталина привлекается не только к решению общетеоретических проблем, но и сугубо личных, хотя и творческих конфликтов. В споре людей из «единого литературного фронта» побеждает тот, кто ближе к ЦК, в данном случае — Горький. Поверженный Панферов написал ему: «Я целиком согласен с вами в вопросе о языке <...>. Я даже никак не могу предполагать, как утверждают некие обыватели от литературы, что Горький решил укокошить Панферова. Зачем это вам? Разве я являюсь классовым врагом вашим? Но около меня сложилась такая обстановка, что я принужден бежать от литературных дел, ибо со мной уже никто ничего не говорит, на меня показывают пальцем, пустив в ход термин “панферовщина”»⁶⁹. Горький притворился ягненком, мол, «<...> только дружески скажешь о ком-либо неласковое слово», как в случае с Панферовым, так «немедленно» на него «зарычали <...> даже те люди, которые еще накануне хвалили его»⁷⁰. Но за «дружеским» словом Горького, сказанным в «Правде», было покровительство Сталина, о чем прекрасно знало все литературное сообщество.

Дискуссия «о языке» имела продолжение. Нас интересует не суть литературного спора и его развитие, а взгляды Горького на методы решения литературных проблем: «Правда» — рупор идей большевиков — должна участвовать в споре. Но не только — она «обязана» проводить свою линию «определенно», твердо; малейшая «неуловимость мнения» именно этой газеты «катастрофически» отражается на процессе, «очень дезорганизует литераторов, особенно — молодых» (с. 291).

Сталин поднимал авторитет Горького в общественно-культурной жизни страны, «раскручивая», говоря современным языком, его как организатора и поддерживая многие его издательские замыслы. Для Горького, всю жизнь мечтавшего влиять на культурно-просветительское дело России, это безусловно имело значение. Он писал Сталину, что намерен «установить такой порядок, при котором наиболее яркие и художественно значительные советские книги всегда были на рынке вместе с классиками» (с. 267). Активная и широкая издательская деятельность Горького вызывала бы только уважение, если бы... Горький действительно много сделал для создания издательской базы в СССР, для печатания всего лучшего, что накопила мировая культура. (Архив А. М. Горького хранит множество планов, проектов писателя для издательств, которыми он руководил, например — «Academia»,

⁶⁹ Письмо Ф. И. Панферова Горькому от 24 апреля 1934 г. // Архив А. М. Горького. КГ-п 56-7-8.

⁷⁰ Цит. по: *Островская С.* Рукою Горького. М., 1985. С. 169.

председателем редакционного совета которого был с 1927 г., для серий, создателем которых являлся.) Но издательская деятельность Горького не была исключительно (или хотя бы преимущественно) культурно-просветительской. Есть основания говорить, что она во многом стала пропагандистской — Горький вместе со Сталиным вводил издательское дело в русло идеологической политики.

«Прошу внимания Вашего и одобрения затее <...>» — писал Горький главе государства, далее называя журнал или коллективный сборник, и прилагая к письму составленный им план или проект издания. Иногда Сталин вносил в них замечания⁷¹. Одобренные Сталиным инициативы в некоторых случаях получали поддержку в виде постановлений ЦК ВКП(б) — «Об издании “Истории гражданской войны”», «Об издании “Истории заводов”», «Об издании журнала “Колхоз”»⁷² и другие.

Горький считал, что «практическое руководство» изданием должен осуществлять партийный чиновник: «Я в политические руководители — не пригоден, я — литературный правщик» (с. 256). Являясь главным редактором, он просил Сталина «дать <...> ответственного большевика в качестве заместителя»⁷³ (с. 285). «Ответственные большевики» входили в редколлегии всех созданных Горьким изданий, больше других повезло его любимой «Истории гражданской войны в СССР» — в составе главной редакции: Сталин, Молотов, Ворошилов и другие. Здесь для «текущей организационной работы» был образован «особый секретариат», в котором за «партийно-политическую часть» отвечал И. П. Товстуха⁷⁴, ближайший помощник Сталина (в его секретариате —

⁷¹ Например, Сталин предложил другое название книги «К чему все это? Рассказ о буржуазном и социалистическом хозяйстве», написав вверху первой страницы присланного Горьким плана: «Лучше будет так: “Что такое СССР и чем он отличается от стран капитализма?”». На полях первой страницы он написал: «Не те слова, не та цепь мыслей, хотя общая идея правильна». На последней, девятой, странице приписал: «Может быть, главу I сделать главой II (а II-ю I-й), сделав во II главе осью контраста и (сравнения) двух систем явления нынешнего мирового кризиса (и подъема у нас)? Так будет, пожалуй, лучше. И. Сталин» (1998. № 9. С. 172. Подчеркнуто Сталиным). Издание это не было осуществлено.

⁷² Имеется в виду журнал «Колхозник».

⁷³ У Горького, председателя Президиума правления Союза писателей СССР, заместителем работал А. С. Щербаков, совмещая должность ответственного секретаря СП с должностью зам. зав. Отделом культурно-просветительской работы ЦК ВКП(б). Когда Щербакова назначили заведующим этим отделом, Горький «встревожился» и написал Сталину: «<...> боюсь, что это отвлечет половину его энергии от работы в Союзе писателей, где он — в короткий срок — сумел поставить себя авторитетно и с большим тактом осуществляет партийное руководство» (с. 276). Щербаков занимал оба поста до июня 1936 г.

⁷⁴ Письмо И. П. Товстухи Горькому от 19 октября 1931 г. // Архив А. М. Горького. КГ-изд 20–28–1.

с декабря 1921 г.), редактор и составитель многих его книг, единственный человек, которому Сталин доверил написать свою биографию⁷⁵. Нарушение авторами срока сдачи материалов — нередкое затруднение для редакционной жизни — в «Истории гражданской войны» решалось просто: Горький жаловался Сталину — Политбюро ЦК ВКП(б) принимало постановление; один из примеров: «<...> обязать тт. Стецкого и Радека сдать <...> числящиеся за ними статьи для 1-го тома «Истории гражданской войны», предупредив, что невыполнение настоящего постановления к сроку повлечет за собой репрессию» (1998. № 9. С. 118). Прежде чем 1-й том ушел в печать, его трижды прочитал Товстуха. Впоследствии И. И. Минц, ответственный секретарь издательства, писал: «6 августа (1936 г. — Т. Д.-Д.) состоялось заседание Главной редакции, на котором тов. Сталин в продолжение трех часов объяснял присутствующим, какие именно поправки он внес в 1 том «Истории гражданской войны» и почему нужны такие исправления <...> а поправки, вставки, исправления имелись буквально на каждой странице <...>. Общая оценка тома была дана в следующих словах: «Книга сделана хорошо, написано просто, много интересного материала». Второй раз было сказано: «Поработали хорошо, книжка читается, как роман»⁷⁶.

В идеологически выдержанных горьковских издательствах определялись «яркость и художественная значительность советской книги». Произведения Андрея Платонова оказались ненужными. В 1931 г. в журнале «Красная новь» (№ 3) была напечатана повесть Платонова «Впрок. Бедняцкая хроника». По воспоминаниям современников (В. В. Полонского, В. А. Сутырина), Сталин назвал повесть «кулацкой, сволочной». Платонова печатать перестали только изредка, преимущественно журналистские тексты. В Архиве Президента Российской Федерации хранилось (передано в Архив А. М. Горького) письмо Платонова Сталину от 8 июня 1931 г. — оно написано в самый разгар критики; Платонов писал: «<...> я заблудился и погибаю <...> стараюсь найти способ, каким можно уменьшить вред от опубликования повести «Впрок». Этот способ состоит в написании и опубликовании такого произведения, которое бы принесло идеологической и художественной пользы для пролетарского читателя в десять раз больше, чем тот вред, та деморализующая контрреволюционная ирония, которые объективно содержатся во «Впроке»⁷⁷. Нами обнаружена копия этого письма,

⁷⁵ См.: Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография / Сост. Ив. Товстуха. М., 1927.

⁷⁶ Письмо И. И. Минца Я. Б. Гамарнику от 19 августа 1936 г. // Источник. 1996. № 2. С. 79–81.

⁷⁷ Новая газета. 1999. 1–7 марта.

на ней наверху первого листа написано: «т. Горькому А. М. По поручению т. Сталина посылается письмо Платонова. Товстуха»⁷⁸. Может быть, что на подлиннике есть сталинская резолюция, как может быть и то, что Горький о ней знал, — пока этот документ неизвестен, конкретнее говорить не приходится. Во всяком случае, Горький не помог Платонову с публикацией новых произведений, хотя Платонов не раз его об этом просил⁷⁹. Горький отказался напечатать в альманахе «Год семнадцатый» рассказ Платонова «Мусорный ветер», в редакциях его изданий «Год девятнадцатый», «Две пятилетки» не пропустили в печать повести Платонова «Джан», «Эклога». Прочитав рукопись «Эклоги», Горький посоветовал ответственному секретарю «Двух пятилеток» Г. М. Карабельникову «<...> отказаться от публикации этого материала, сохранив его для будущего»⁸⁰(что тоже неплохо — никому не «сообщил», а мог бы...).

Горький теперь предпочитает издавать «коллективные работы». На опыте создания сборника «Беломорско-Балтийский канал»⁸¹ он убедился, что именно такая форма литературного труда позволяет советским писателям «глубже вдуматься в смысл творимой действительности» и «показать в художественных образах социалистическую переделку страны и ее людей» (с. 285). Он получил санкцию главы государства на издание многих и разных «коллективных работ». Наводнить рынок подобной литературой удалось, тем более что ЦК ВКП(б) шел навстречу, определяя тиражи особо важных изданий. Так, тираж 1-го тома «Истории гражданской войны» ЦК установил в 300 тысяч экземпляров, затем, по просьбе Горького, Сталин поднял его еще на 100 тысяч. Горький придумал и «верный способ», как «расширить и усилить» влияние издаваемых им журналов и газет: предложил Сталину «пустить их в наиболее глухие и темные места» с помощью «прямого воздействия ЦК на культурные учреждения фабрик, заводов, колхозов, а также на райкомы» (1997. № 9. С. 181).

Однако Горький все чаще сталкивался с тем, что «нужные» и «советские» книги оказываются неяркими и бездарными. В конце жизни он признавался Сталину «<...> положение литературы нашей возбуждает у меня стыд и тревогу» (с. 290). Мечта о том, чтобы классово верные произведения были еще и талантливыми, оказалась утопией. Тем не менее

⁷⁸ Архив А. М. Горького. ПТЛ 12–113–1.

⁷⁹ О взаимоотношениях Горького и А. Платонова см.: *Аннинский Л.* Откровение и сокровение // *Литературное обозрение.* 1989. № 9. С. 3–20.

⁸⁰ Там же. С. 16.

⁸¹ См.: *Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства* / Под ред. М. Горького, Л. Л. Авербаха, С. Г. Фирина. М., 1934.

Горький не сдавался. К последнему письму главе государства — от 1 мая 1936 г. — он приложил «Записку И. В. Сталину», в которой предложил «приемы оздоровления литературы». Во-первых, издательства художественной литературы необходимо превратить из «простых книгоприемников в сложную творческую лабораторию книги». Во-вторых, издательства должны стать «аппаратом», осуществляющим «шефство и контроль над качеством литературных заготовок». Это значит, что автор подает заявку, в редакции получает консультации: его снабжают библиографией, ему сообщают источники, указывают, где нужно искать материал, сдают направление для дальнейшей работы». В-третьих, в «аппарате» создается «коллектив критиков», который принимает участие «в обсуждении процесса работы над книгой». На завершающем этапе «коллектив критиков» рецензирует произведение «до выхода его из печати».

Сталина заинтересовал этот план, хотя «отдельные детали» вызвали у него «некоторые сомнения», обсудить которые он предложил писателю при личной встрече (с. 295). Обсудить детали они не успели — Горького вскоре не стало. Но одну из горьковских идей Сталин впоследствии воплотил — в издательствах было введено внутреннее рецензирование.

Сталин возводил Горького в ранг особо доверенного лица, посылая ему «секретные документы». Но, делая вид, что писатель владеет достоверной информацией, он хитрил. Горький не знал, как знаем теперь мы, после публикации писем Сталина Молотову, что «секретные документы» относительно «вредительства» — это фальсификация. Выше было сказано, что в июле — августе 1930 г. ОГПУ арестовало большую группу крупных специалистов из центральных хозяйственных ведомств, в основном — известных ученых, начавших свою деятельность еще до октября 1917 г. Как стало известно из писем Сталина Молотову, людей сперва арестовывали, а затем решали, по каким организациям их распределить и в чем предстоит признаться на суде «верхушке ТПК и “Промпартии”». Мы сравнили установки Сталина с показаниями обвиняемых. Так, профессор Н. Д. Кондратьев, экономист-аграрник, был арестован в июле 1930 г. 6 августа Сталин написал Молотову, что «Кондратьева <...> пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять»⁸². В сентябре он причислил Кондратьева к «вредительской» организации «Трудовая крестьянская партия» и писал тому же адресату: «Между прочим: не думают ли господа обвиняемые⁸³ при-

⁸² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С. 194.

⁸³ Имеются в виду В. Г. Громан, Н. Д. Кондратьев, Н. Н. Суханов, А. В. Чайнов и другие.

знать свои *ошибки* и порядочно оплевать себя политически, признав одновременно прочность Советской власти и правильность метода коллективизации?»⁸⁴ На процессе «Союзного бюро ЦК РСДРП(м.)» Кондратьев в своем показании признал обвинения, предъявленные «Трудовой крестьянской партии» и повторил (озвучил) мысли Сталина процитированного письма: «<...> я не только считаю ошибочными свои теоретические установки, но считаю преступной всю свою практическую деятельность, поскольку она была направлена на борьбу с советской властью. Я прекрасно знаю, что коллективизация сопровождается величайшими трудностями и тем не менее поражающим для меня является то, что в итоге всех этих затруднений мы имеем настолько высокую норму уже перешедших на коллективные основания индивидуальных хозяйств, что это иначе как поворотом назвать нельзя»⁸⁵.

Таким образом, можно считать доказанным, что Сталин вел с Горьким лицемерную игру. Горький тоже хитрил со Сталиным — факты мы уже привели. Но Горький знал, когда и в какие моменты можно это делать. Письмами «Ответ Билль-Белоцерковскому» и «Ответ писателям-коммунистам из РАППа» глава государства ввел его в жесткие рамки своей политики, в дальнейшем не допускал никаких отклонений от нее, а если горьковские действия входили в противоречие с его установками, — ни о каких уступках со стороны Сталина и речи быть не могло.

Во время полемики 1926–1929 гг. представителей авангардного и традиционного направлений в театре шли споры о драматургии Булгакова. На обсуждении его «Бега» во МХАТе осенью 1928 г. Горький назвал пьесу «великолепной вещью» и предвещал ей «анафемский успех»⁸⁶. Сталин в «Ответ Билль-Белоцерковскому» написал, что «“Бег”, в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление»⁸⁷. Летом 1929 г. все спектакли по пьесам Булгакова в Москве были сняты с репертуара.

⁸⁴ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С. 211.

⁸⁵ Правда. 1931. 5 марта.

⁸⁶ См.: Красная звезда. 1928. 10 октября.

⁸⁷ *Сталин И.* Соч. Т. 11. С. 328. За несколько дней до того, как Сталин написал «Ответ Билль-Белоцерковскому», ему были направлены следующие документы: 1) «29 января 1929 года. Секретно. Записка наркома по военным и морским делам и председателя Революционного Военного Совета СССР К. Е. Ворошилова. Политбюро ЦК ВКП(б). И. В. Сталину. По вопросу о пьесе Булгакова “Бег” сообщая, что члены комиссии ознакомились с ее содержанием признали политически нецелесообразным постановку этой пьесы в театре». 2) «30 января. Строго секретно. Выписка из протокола № 62/опр. 8-с заседания Политбюро ЦК ВКП(б) о принятии предложения комиссии Политбюро о нецелесообразности постановки пьесы «Бег» в театре. Принято опросом членов Политбюро» (1997. № 9. С. 168–169).

В «Ответе писателям-коммунистам из РАППа» Сталин резко отозвался о Борисе Пильняке. Горький знал мнение вождя из полученного «Ответа». Он все-таки пытался защитить Пильняка и в письме Сталину⁸⁸, и в прессе, написав осенью 1929 г. статьи «О трате энергии»⁸⁹ и «Все о том же». Вторая статья была запрещена цензурой⁹⁰, а прославленный автор смирился.

В феврале 1932 г. Горький из Сорренто переправил Сталину три документа: 1) записку американца Рея Лонга с соображениями о сборнике «Правда о СССР», который планировался в качестве вводного к целому ряду книг о Союзе; 2) письмо Лонга Горькому; 3) проект договора, составленный Лонгом. Предполагалось, что сборник издаст крупная нью-йоркская фирма «Рей Лонг и Ричард Р. Смит» и что в него войдут предисловие Горького⁹¹, введение Сталина, статьи о достижениях СССР; Горький собрался писать статью «Положение среднего русского человека до революции» и просил Сталина, чтобы ему прислали тезисы. 3 марта 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: «а) Принять предложение М. Горького насчет подготовки сборника статей о достижениях СССР для американского издательства Лонга с той, однако, поправкой, чтобы срок был передвинут на середину мая; б) Никаких тезисов для статьи т. Горького не писать, предложив т. Горькому написать статью по своему усмотрению; в) Поручить организацию этого дела т. Стецкому⁹² с тем, чтобы он представил к следующему заседанию Политбюро план статей, сроки их представления и список авторов» (1998. № 9. С. 167). Однако Рей Лонг поторопился с сообщением в газете «Ивнинг стандарт» (1932. 4 марта) о том, что в Америке выходит книга Сталина, в которой он «описывает свою биографию, разъясняет свои отношения с Лениным и Троцким, объясняет причины падения Троцкого, а также откровенно высказывает, как СССР относится к Великобритании, Соединенным Штатам и Японии». Через несколько дней (14 марта) Политбюро приняло решение: «Ввиду по-

⁸⁸ См.: Письмо Горького Сталину от 8 января 1930 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 215–216.

⁸⁹ См.: Известия. 1929. 15 сентября.

⁹⁰ Впервые опубликована в сб.: Горький и его эпоха: Исследования и материалы. Вып. 1. М. 1989. С. 6–9.

⁹¹ Рей Лонг просил Горького в предисловии к сборнику «Правда о СССР» «прояснить» американским читателям, на чем основывается власть Сталина, как он выбирает людей на ответственные посты; как он награждает и наказывает; каким образом он может управлять страной, не занимая государственный пост и т. д. (см.: 1998. № 9. С. 166–167).

⁹² А. И. Стецкий заведовал тогда Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б), с 1934 г. он был одновременно главным редактором журнала «Большевик».

пытках со стороны Р. Лонга исказить характер договора с т. Горьким об издании сборника в целях политической спекуляции и ввиду того, что нет гарантии, что не будет выкинут Лонгом новый трюк, преследующий те же цели политической спекуляции (см. сообщение «Ивнинг стандарт»), отклонить предложение Лонга, предложить т. Горькому мотивировать отказ со ссылкой на невозможность выполнить предполагаемый договор в срок, ввиду занятости товарищей» (1997. № 9. С. 192). Горький подчинился партийной дисциплине и в конце марта 1932 г. расторгнул выгодный контракт с издательством «Рей Лонг и Ричард Р. Смит».

В январе 1935 г. «Правда» напечатала резкое «Открытое письмо А. М. Горькому» Ф. Панферова, возобновив «дискуссию о языке». Горький написал «Открытое письмо к Ф. И. Панферову», но оно не было помещено в газете⁹³. Горький промолчал. Со временем у него собрались новые свидетельства — касательно других авторов, в частности М. А. Светлова, Д. Д. Шостаковича — о «переменчивости» правдинской позиции, и он пожаловался на газету Сталину в письмах начала марта и 1 мая 1936 г. В последнем, отстаивая свою точку зрения, он привел «образчики неряшливой работы» в романах «Одиночество» Н. Вирты и «Как закалялась сталь» Н. Островского, а затем продолжал: «Поручите честному и грамотному человеку перечитать изданную в 1935 году художественную литературу молодых и дать Вам отчет о безграмотности — политической и литературной — Вы убедитесь, что я, к сожалению, прав» (с. 292). В ответном письме Сталин напомнил писателю главный для большевиков критерий в оценке художественного произведения — «оперировать <...> понятиями классового порядка, или даже понятиями “советское”, “анти-советское” <...>». Вождь утверждал: с курса сбился Горький, но никак не «Правда»: «Насчет нашей молодой литературы согласен: у нее нередко не хватает элементарной грамотности. “Одиночество” и “Как закалялась сталь” не составляют исключения. Должен вместе с тем сказать, что, по-моему, оба эти произведения представляют для нашей литературы большой и серьезный плюс» (с. 295). Нам важно отметить, что публично Горький против «Правды» не выступил.

Эти примеры показывают, что Горький понял, принял и не нарушал «правила игры» на протяжении всего своего сотрудничества со сталинским режимом. Естественно, что взаимоотношения Сталина и Горького не могли быть равноправными. Горький находился в подчиненном положении, что давало возможность руководителю государства беззастенчиво использовать его в своих интересах. Горький соглашался «продавать лицо» авторитетного во всем мире писателя-гуманиста.

⁹³ Впервые опубликовано: Литературная Россия. 1992. 3 апреля.

Вот факты, это подтверждающие. 19 апреля 1935 г. Политбюро утвердило Горького председателем делегации советских писателей на Международном конгрессе писателей в защиту культуры⁹⁴. В мае в Париж выехал М. Кольцов для «содействия в организации съезда». Кольцов прислал доклад о трудностях в подготовке конгресса, разрешить которые, по его мнению, мог бы приезд Горького, что «для многих <...> предрешает их собственное участие в съезде». Экземпляр доклада переправили Горькому⁹⁵. Но Горький не хотел ехать в Париж, о чем 23 мая написал Сталину, перечислив причины: болен, занят, дело кажется не особенно важным, в Москву собирается приехать Р. Роллан, принявший решение не участвовать в конгрессе «во избежание враждебной встречи и скандала, который ему грозит со стороны фашистов». Горький писал, что предпочитает встретиться с Ролланом на родине, тем более что последний выразил желание «повидаться с Иосифом Виссарионовичем»⁹⁶. 4 июня Горький виделся со Сталиным. Далее разыгрывается спектакль. 8 числа Горький получает документы для загранкомандировки. 20 июня «Правда» помещает сообщение, что в Париж прибыла первая группа советских писателей — делегатов конгресса и «писатели мира *увидят* на конгрессе и старых, и молодых советских писателей, руководимых Максимом Горьким». 22 июня советскую границу пересекает Роллан — он едет в Москву. А 23 июня в конце вечернего заседания конгресса, работающего уже второй день, оглашается «Обращение Максима Горького конгрессу»: он «<...> глубоко опечален тем, что состояние здоровья помешало <...> физическому присутствию на Интернациональном конгрессе литераторов»⁹⁷. 28 июня состоялась встреча Роллана со Сталиным, 29-го — с Горьким. Затем писатели уехали в Горки, где Роллан гостил до 21 июля 1935 г.

Неспроста в творчестве Горького последнего периода чрезмерное место заняла публицистика — он выполнял социальный заказ, поддерживал сталинскую политику. Вождь был доволен: «Судя по Вашим статьям, настроение у Вас боевое, наступательское. Очень хорошо!». Эти строки — из письма Сталина от 18 марта 1931 г. (1997. № 9. С. 184). В период между этим я предыдущим письмом Сталина от 10 января того же года в «Правде», «Известиях» было напечатано более десятка статей Горького. Но дело не в количестве. Похвалу главы государства его публицистика заслужила своею общественной значимостью. В дан-

⁹⁴ Конгресс состоялся в Париже 21–25 июня 1935 г.

⁹⁵ См.: Архив А. М. Горького. КГ-п 36–23–4.

⁹⁶ Из письма Горького А. С. Щербакову от 22 мая 1935 г. // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1956. Т. 30. С. 390.

⁹⁷ Правда. 1935. 24 июня.

ном случае Сталин имел в виду прежде всего статью «По поводу одной легенды»⁹⁸. В том же письме — от 18 марта — он одобрил выступление Молотова на VI съезде Советов СССР (Москва, 8–17 марта 1931 г.). Что общего было в статье Максима Горького и докладе «Отчет правительства Союза ССР» председателя Совнаркома Молотова? Они разоблачали одну из «самых бесстыдных демагогических кампаний против СССР: — против применения «принудительного труда» в СССР». Так говорил Молотов, посвятивший этой теме раздел доклада «О принудительном труде»⁹⁹. Он отрицал существование в СССР «принудительного труда», признав, что «труд заключенных <...> у нас применяется на некоторых коммунальных и дорожных работах», и заявил в то же время, что, «к позору капитализма, многие и многие тысячи безработных позавидуют сейчас условиям труда и жизни заключенных в нашей стране». Горький в статье «По поводу одной легенды» опровергал «гнусную клевету», распространяемую в буржуазной прессе, о массовом использовании советской властью как «принудительного труда», так и «труда заключенных».

Пришло время сказать, что публицистика Горького «сталинского периода» была столь же лжива, как и вся советская периодика. (Примеров тому множество, хотя бы статьи писателя о «благотворных» действиях работников ОГПУ, но мы ограничиваемся лишь теми, которые названы в его переписке с вождем.) Горьковские статьи — основные, идейно важные — отличало мастерство исполнения, однако именно то, что под ними стояла подпись «М. Горький», все еще вызывающая доверие даже за рубежом, делало их особенно вредоносными.

Из переписки Горького и Сталина мы узнали, что писатель добровольно, для идеологической корректировки до обнародования посылал свои статьи главе государства. Так произошло со статьями «К рабочим и крестьянам», «Гуманистам». Горький приложил их к письмам вождю, в которых предоставил ему право «вычеркнуть» свое имя в статье «Гуманистам», если упоминание «почему-нибудь неудобно» (1997. № 9. С. 177), и внести «нужные поправки, сокращения» в «обращении к рабочим»: «<...> разумеется, — писал автор, — я ничего не имею против» (Там же. С. 176). Сталин внес правку¹⁰⁰ и умело распорядился

⁹⁸ См.: Известия. 1931. 5 марта.

⁹⁹ См.: Правда. 1931. 11 марта.

¹⁰⁰ В статье «Гуманистам» Сталин зачеркнул слова «т. Иосиф Сталин» во фразе: «<...> что в Союзе Советов единолично диктаторствует т. Иосиф Сталин <...>», а «единолично диктаторствует» поправил на «единоличная диктатура». Сталин дал заглавие статье «К рабочим и крестьянам» и внес две поправки: во фразе: «Они искусно создали в стране Советов пищевой голод» — слово «создали» исправил на «создавали», а в конце фразы: «Вас хотят послать против рабочих и крестьян» — дописал: «Советского Союза» (1997. С. 179, 176). Статьи были напечатаны с правкой Сталина.

статьями, приурочив их к процессу «Промпартии»: статья «К рабочим и крестьянам» была напечатана в день открытия судебных заседаний¹⁰¹, «Гуманистам» — когда завершилась публикация материалов процесса: «Правда» поместила ее сразу после приговора, заполнив весь «подвал» полосы¹⁰². Горький оправдывал казнь «сорока восьми преступников», «организаторов пищевого голода в СССР», как законное и справедливое «возмездие трудового народа». Он отказался сотрудничать в литературном издании «Интернационального союза писателей-демократов», объяснив это тем, что в руководстве союза находятся Генрих Манн и Альберт Эйнштейн, которые подписали протест немецкой Лиги защиты прав человека против бессудных расстрельных приговоров в СССР — в данном случае в связи с делом «Пищевого треста». Горький считал, что следовало бы расстрелять и руководителей «Промпартии»: «Я, разумеется, за “высшую меру” <...>» — сообщил писатель-гуманист Сталину в те самые дни, когда в Москве шел процесс и в газетах печатались решения и заявления трудовых коллективов страны ряда зарубежных рабочих и компартий с требованиями высшей меры по отношению к «вредителям».

Для предварительной цензуры Горький добровольно направил Сталину свои статьи «О бойкости», «О языке», «Беседа с колхозниками»¹⁰³. («Хорошая штука. Только надо бы выкинуть конец <...>» — советовал Сталин автору; с. 264), «Пролетарский гуманизм» (впоследствии писатель гордился: «Эту статейку очень одобрил товарищ Сталин»¹⁰⁴), «О фашистском терроре» (Сталин внес правку¹⁰⁵ и написал на первом листе машинописной копии статьи: «Дор[огой] Алексей Максимович! По-моему, не стоит сдавать в печать. Это ослабит впечатление, полученное от предыдущей статьи о «Гуманизме»¹⁰⁶ (с. 263). Горький последовал этому совету).

¹⁰¹ См.: Правда. 1930. 25 ноября; Известия. 1930. 25 ноября.

¹⁰² См.: Правда. 1930. 11 ноября.

¹⁰³ Статья напечатана под названием «Беседа» в журнале «Колхозник» (1934. № 1. С. 112–124).

¹⁰⁴ См.: Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. С. 558.

¹⁰⁵ Правка Сталина в статье «О фашистском терроре»: после слов: «<...> убедительно говорит пролетариату, что у него» — добавил: «в условиях капитализма»; во фразе: «За время 1801 г. по 94-й <...>» — даты обвел кружком, а на полях пометил: «Что это?». Возле слов «<...> делать оружие не для защиты хозяев, а для самозащиты» — на полях написал: «Не только самозащиты». Во фразе: «<...> это будет наивным отрицанием права истребления врага» — слово «истребление» подчеркнул.

¹⁰⁶ Речь идет о статье «Пролетарский гуманизм». Статья «О фашистском терроре» получила впоследствии название «О фашизме». Впервые частично напечатана в книге: Горький против фашизма. [Ташкент], 1942. С. 17–19; см. также: Архив А. М. Горького. Т. 12. С. 174–176.

«Пролетарский гуманизм»¹⁰⁷ — одна из статей писателя, которыми он ответил на «предложение» главы государства «обратить внимание на интеллигенцию С.Ш.А.» и Западной Европы (1998. № 9. С. 165). Теперь задача Горького — убедить европейских гуманитариев, что «фашизм есть порождение буржуазной культуры, находящейся уже в состоянии гниения и распада», что спасение человечеству несет «пролетарская» культура: «<...> пролетариат Советских Социалистических Республик, руководимый учением и партией Ленина и неиссякаемой, все растущей энергией Иосифа Сталина, создает новую культуру, новую историю трудового человечества»¹⁰⁸. Утвердить эту культуру можно только «беспощадной борьбой» вместе с революционным пролетариатом — он единственный является носителем самого настоящего гуманизма: «исторически и научно обоснованного, подлинно общечеловеческого пролетарского гуманизма Маркса-Ленина-Сталина — гуманизма, цель которого — полное освобождение трудового народа всех рас и наций из железных лап капитализма»¹⁰⁹. Горький отрекнется от «старого гуманизма», которым «буржуазия хвасталась» как своей «своей цивилизации и культуры: между этим гуманизмом и «пролетарским», пишет он, «нет ничего общего, кроме слова — гуманизм»¹¹⁰.

В гуманизме по-пролетарски нет места такой «малости», как человек, — все подчинено целям пролетариата; гуманно все то, что делается во имя пролетариата. При этом надо оговорить: пролетариат не всегда способен, разобраться в том, что отвечает его интересам. Поэтому есть партия — ВКП(б), которая представляет собой «авангард рабочего класса». А у партии есть вождь, товарищ Сталин, он — воплощенная историческая необходимость (что, по Горькому, теоретически и практически доказано Марксом–Лениным–Сталиным). Следовательно, Сталин лучше всех понимает, что есть благо пролетариата, да что там! — человечества. В 1930 г., когда «авангард» во главе с тов. Сталиным организовал один за другим процессы «вредителей», большинство из которых закончились расстрельными приговорами, когда «авангард» занимался «ликвидацией кулачества как класса» Горький провозгласил, что любой, кто стоит на пути пролетариата, должен быть «истреблен», более того — убийство в интересах пролетариата является проявлением подлинного гуманизма: «Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями — против нас

¹⁰⁷ См.: Правда. 1934. 23 мая; Известия. 1934. 23 мая.

¹⁰⁸ Горький М. О культурах // Правда. 1935. 15 июля; Известия. 1935. 15 июля.

¹⁰⁹ Горький М. Пролетарский гуманизм // Правда. 1934. 23 мая.

¹¹⁰ Горький М. О культурах.

всё, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, — его истребляют»¹¹¹.

В 1934–1935 гг., когда Сталин стал проявлять «благодушие» к заключенным, жалуя жизнь не очень злостным «вредителям» и используя их даровой труд, Горький сумел увидеть в таком отношении к «преступнику» проявление «активного гуманизма пролетариата». Оказалось, что «пролетариату человек — дорог», ибо «даже тогда, — писал он, — когда человек обнаружил социально вредные наклонности и некоторое время действовал как социально опасный, — его не держат в развращающем безделье тюрьмы, а перевоспитывают в квалифицированного рабочего, в полезного члена общества. В этом <...> — гуманизм, которого никогда, нигде не было и не может быть»¹¹².

Горький превратился в «пролетарского» гуманиста, для которого ценность человека состоит не в том, что он — человек, а в том, что он — «идейно близок». Любой, кто смеет придерживаться иных взглядов, теперь для писателя — «хлам», «подлый враг», бросающий тень на советскую страну. Он всерьез хочет убедить, что в современной действительности «неприемлемы» такие чувства, как «человеколюбие», «милосердие», «великодушие»¹¹³, а посему — «задача пролетарского гуманизма не требует лирических изъяснений в любви»¹¹⁴ и прошло время «громких и сладких слов о любви к людям»¹¹⁵. «Пролетарский» гуманизм требует «сознательной, активной, героической ненависти, — пишет Горький, — ко всем равнодушным, лентяям, пошлякам и прочим уродам, которые еще живут и мелькают в нашей стране»¹¹⁶. Этот самый гуманизм требует мести, «неугасимой ненависти» и к внешнему врагу — «к власти капиталистов, его лакеев, паразитов, фашистов, палачей и предателей рабочего класса»¹¹⁷.

В сочетании «пролетарский гуманизм» слово «пролетарский» есть синоним слова «сталинский». Горький утверждал «сталинский гуманизм». — Ловко играя словами, занимаясь казуистикой, он на самом деле доказывал гуманность сталинской идеологии, проповедовал

¹¹¹ Горький М. Если враг не сдается, — его уничтожают // Правда. 1930. 15 ноября. (В тот же день статья была напечатана в «Известиях» под заглавием «Если враг не сдается, — его истребляют».)

¹¹² Горький М. О культурах.

¹¹³ См.: Горький М. Пролетарский гуманизм.

¹¹⁴ Горький М. О культурах.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Горький М. Пролетарская ненависть // Правда. 1935. 23 сентября. (В тот же день статья была напечатана в «Известиях», 24-го — в «Литературной газете».)

¹¹⁷ Горький М. О культурах.

большевистскую политику. Горький был талантливым и понимающим соратником Сталина, до последних своих дней¹¹⁸ надежным его помощником в организации советской культуры. Могут возразить, что если бы не Горький, то кто-либо другой исполнил его роль. Но Сталин не ошибся в выборе. Каждый должен отвечать за себя. Горький, а не кто-либо иной совместно со Сталиным формировал систему советской культуры, придавал направление ее развитию. А дальше она вполне успешно эволюционировала и без него. Современные Горькому писатели, по его выражению, «фокусники слов», «в большинстве — лентяи, трусы и рвачи» (с. 290), не совсем таковы, как советские писатели 1950-х гг., а последние могут показаться «классиками» и моралистами по сравнению со многими представителями следующих поколений. Горький послужил соединяющим звеном, которым русская литература переходила (нисходила) в советскую. Еще в 1933 г. филолог А. Л. Бем, эмигрант из советской России, писал в Праге¹¹⁹: «Появилась новая группа писателей, уже оторванная от старой литературной культуры. Гладков, Шолохов — называю только более талантливых — уже обнаруживают, что русская литература в прежнем ее виде перестала существовать. На них особенно ярко видно, именно в силу их художественной одаренности, что произошел перерыв русской литературной традиции. Вопрос становится сейчас так <...> не перешли ли мы просто на роль провинциальной литературы? Ею можно интересоваться, как зеркалом, в котором будто бы что-то отражается, в ней можно искать поддержки в борьбе за свои социальные интересы, но по своей художественности она в развитии мировой литературы никакого значения уже иметь не может»¹²⁰.

В процессе этой эволюции Горький, активный ее участник, превращался из яркого писателя в типичного советского крупного чиновника от литературы.

Как и почему Горький стал таким? Для выяснения этого необходимо обозначить вехи его пути: от утверждения в первые годы века как последней правды, что «человек — это гордо», что «ценен всякий человек», до отношения к человеку как «мусору», призывов к «активной

¹¹⁸ Не без оснований сообщение о его смерти в «Правде» (1936. 19 июня) было сформулировано следующим образом: «Вчера, в 11 часов 10 мин. утра, в Горках, под Москвой, умер великий русский писатель и борец за победу коммунизма АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ».

¹¹⁹ В майские дни 1945 г. А. Л. Бем был арестован «советскими органами», которые действовали в то время на территории Чехословакии. Как они с ним расправились, до сих пор неизвестно.

¹²⁰ Бем А. Л. О советской литературе. (Письмо первое) // Бем А. Л. Письма о литературе. Прага, 1996. С. 138.

ненависти» ко всем «равнодушным, лентяям <...> прочим уродам», все еще живущим в стране. В рамках данной статьи ответить на эти вопросы невозможно. Требуется исследование совершенно другого уровня и на ином материале. Прежде всего, предстоит составить более или менее точную правдивую летопись жизни и творчества Горького. Надо рассмотреть трансформацию взглядов писателя в его публицистике, а для этого — привлечь *все* статьи Горького и проанализировать их, выделяя общие идеи, изменения в них по интересующим нас темам. Такому же анализу предстоит подвергнуть эпистолярное наследие писателя, причем в хронологическом порядке, что поможет установить, отличались ли его взгляды в конкретный отрезок времени в письмах разным адресатам. Предметом особого изучения должны стать архивные документы и, конечно же, — творчество Горького. Именно потому, что пока не проделана вся эта трудоемкая работа, мы принципиально не даем даже предположительных ответов.

Горький — это та ниточка, потянув за которую, раскручиваешь целый клубок. От ответов на вопросы, связанные с Горьким, зависит решение многих проблем русской культуры советского периода. Поэтому как раз в горьковедении, как нигде, вдвойне важно очень серьезно обосновывать и доказывать каждый вывод. Нужно только время и изучение источников.

